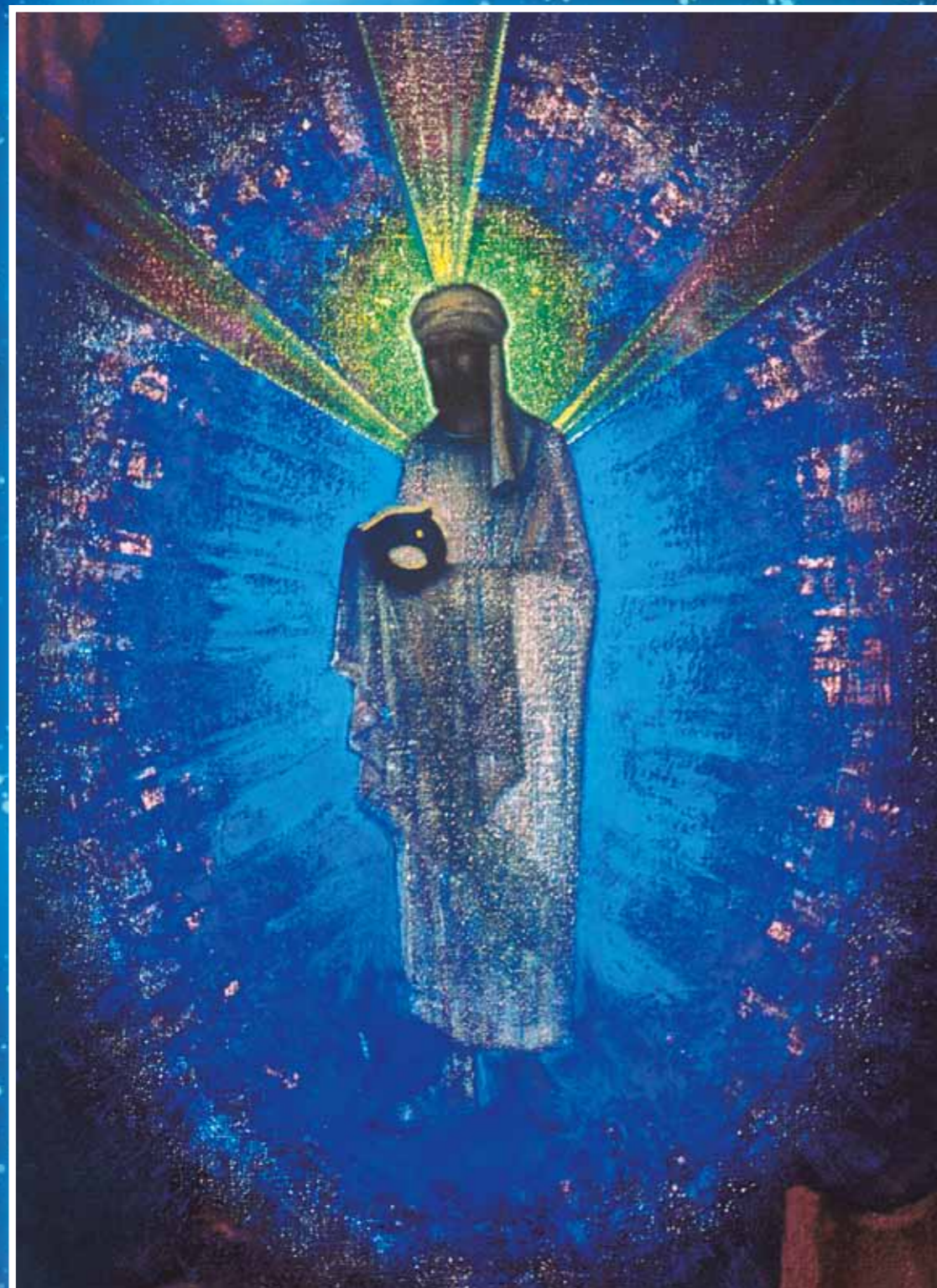

Планета МЦР

«Год Культуры:
нужен ли России
общественный
Музей имени
Н.К. Рериха?»

Пресс-конференция в Международном Центре Рерихов
14 января 2014 года

Наступивший год объявлен Президентом РФ Годом Культуры. В соответствующем указе, подписанном В.В. Путиным, говорится, что Год Культуры будет проведен с целью «...привлечения внимания общества к вопросам развития культуры, сохранения культурно-исторического наследия и роли российской культуры во всем мире».

Музей имени Н.К. Рериха за два десятилетия своего существования сформировался как уникальный центр культуры, широко известный в России и за ее пределами, и показал высокий эталон современного общественного музея. Но в ноябре 2013 года его работа и само существование оказались под угрозой – причиной этого стал отзыв лицензии у Мастер-Банка, председатель правления которого Борис Ильич Булочник на протяжении двух десятилетий финансировал многогранную деятельность всемирно известного музея.

В создавшейся сложной ситуации Международный Центр Рерихов обратился за помощью в разные государственные инстанции – к Президенту РФ, в Министерство культуры, Правительство Москвы и др.

14 января 2014 года в МЦР состоялась пресс-конференция «Год Культуры: нужен ли России общественный Музей имени Н.К. Рериха?». На конференции выступили первый заместитель генерального директора музея А.В. Стеценко, директор Музея предпринимателей, меценатов и благотворителей Е.И. Калмыкова, директор частного Дома-музея Матвеева Муравьева-Апостола Т.С. Макеева, президент Международного комитета по сохранению наследия Рерихов А.П. Лосюков. На ней присутствовали несколько десятков представителей печатных и электронных СМИ, в том числе корреспонденты «Трибуны», «Учительской газеты», «Московского комсомольца», «Новой газеты», ИТАР-ТАСС, РИА «Новости», информагентства Москва-медиа, телеканалов Москва 24, Россия 24, Life News, Rep TV.

Александр Витальевич Стеценко:

– Проблема нашего общественного музея имеет прямое отношение к проблеме общественной формы Культуры в России.

История общественного Музея имени Н.К. Рериха очень интересная, серьезная и интригующая. Николаю Константиновичу и Елене Ивановне не удалось вернуться на Родину. Начиная с середины 1930-х годов много было написано писем, но Сталин наложил резолюцию «не отвечать». Все Рерихи стремились вернуться в Россию и привезти накопленное наследие, но вернуться удалось лишь старшему сыну, ученому-востоковеду Юрию Николаевичу Рериху. В конце 1957 года он привез первую часть наследия Рерихов.

На сегодняшний день его квартира пуста – а там было около 200 полотен, уникальный научный архив, коллекция древней тибетской живописи, бронза, скульптура, ценнейшие архивные раритеты. Никто не обращал внимания – ни прокуратура, ни милиция, – что культурное наследие у него жало сь. Сотрудникам МЦР приходилось покупать расхищенные ценности в магазинах, куда они были выставлены на продажу. И если бы не помощь мецената Б.И. Булочника, нам не удалось бы спасти то, что находится сейчас в посвященном Ю.Н. Рериху зале, который был открыт в нашем музее в 2012 году.

Еще в декабре 1957 года, на открытии первой выставки, приуроченной к возвращению наследия Рерихов в Россию, Ю.Н. Рерих принародно объявил, что он готов передать в дар Советскому Союзу привезенное им наследие, если будет создан музей. Министерство культуры пообещало, но музей так и не создали. После ухода Юрия Николаевича Рериха в 1960 году обращался Святослав Николаевич Рерих обращался ко всем министрам культуры, руководству страны, к Подгорному, Косыгину, с просьбой уделить внимание культурным ценностям, оставшимся на квартире его брата, распоряжаться которыми допустили людей, не имеющих к нему никакого отношения. К сожалению, голос Святослава Николаевича не был услышан, так же как мнение руководства Советского фонда Рерихов, Международного Центра Рерихов.

Вот причина того, почему С.Н. Рерих решил создать *общественный* музей. К тому же концеп-

ция Культуры Николая Константиновича Рериха основана именно на общественной инициативе. Пакт Рериха – это первый Международный договор о сохранении культурных ценностей, подписанный в Белом доме в Вашингтоне в 1935 году. Он является ярким подтверждением триумфа общественности, ее деятельности, направленной на сохранение Культуры. Еще в 1904 году, накануне Второй Гаагской конференции, инициированной царской Россией, Рерих впервые в России и в мире поставил вопрос о необходимости защиты культурного наследия. Но реализовать задуманное ему удалось только в 1930-е годы. Примечательно, что один человек, Н.К. Рерих, организовал международное движение, которое увенчалось подписанием важного для судеб мира и культуры договора. Этот документ впоследствии лег в основу деятельности ЮНЕСКО как правовая база сохранения культурного наследия и стал основой Гаагской конвенции 1954 года. Он не утратил своей актуальности и сегодня.

Вот две основные причины, которые побудили Святослава Николаевича во второй половине 1980-х годов, когда началась перестройка, обратиться к М.С. Горбачеву с просьбой создать именно общественный музей, для которого он был готов передать свою часть наследия. Михаил Сергеевич согласился со всеми просьбами и требованиями С.Н. Рериха. Так в 1989 году был создан Центр-Музей имени Н.К. Рериха как общественная организация, как основная база Советского фонда Рерихов. История нашего музея – это история борьбы и побед, результаты ее вы видите.

Для Музея имени Н.К. Рериха была выделена в центре Москвы усадьба Лопухиных, она имела неприглядный вид, была фактически разрушена. Государство обещало отреставрировать усадьбу, но вскоре распался Советский Союз, руководству страны было не до музея, в стране грабились богатства, появлялись олигархи. В это трудное время Людмила Васильевна Шапошникова обратилась к общественности. Пошли пожертвования на счет Центра, для реставрационно-строительных работ приезжали бригады со всего мира. Дизайн залов, фриз – многое здесь сделано руками наших рериховских помощников. За двадцать четыре года существования музей превратился в уникальный

В президиуме слева направо: Е.И. Калмыкова, А.В. Стеценко, А.П. Лосюков, Т.С. Макеева

общественно-культурный научный центр. Ежегодно Центр издает 20–30 наименований книг, общий тираж превысил полмиллиона экземпляров; с 2001 года ежеквартально выходит журнал «Культура и время». Проводится огромная научная работа: ежегодные научно-общественные конференции, лекции, семинары, действует ученый совет, проходят диспуты, философские встречи; налажено сотрудничество со многими институтами России и зарубежья. В этом отношении уже многое сделано и большие задачи предстоят.

В 2012 году Международный Центр Рерихов, правительство индийского штата Химачал-Прадеш и руководство Международного Мемориального Треста Рерихов в Кулу подписали договор о совместных действиях по созданию в имении Николая Рериха, в прекрасной долине в Гималаях, музейно-научного комплекса и возрождению деятельности Института «Урусвати». Святослав Николаевич Рерих еще в 1960-е годы обращался к Академии наук Советского Союза, призывая приехать для работы с научным архивом Рерихов. Но никто не откликнулся. Только сейчас стало налаживаться сотрудничество в этом направлении.

Совместно с Международным комитетом по сохранению наследия Рерихов МЦР осуществляет важнейший международный проект «Пакт Рериха: история и современность». Открытие выставки состоялось в штаб-квартире ЮНЕСКО в 2012 году. Были выпущены специальные каталоги; прекрасные слова о значении Пакта Рериха, о деятельности Международного Центра Рерихов и общественного музея были сказаны генеральным директором ЮНЕСКО Ириной Боковой, российским представителем Э.В. Митрофановой, тогдашним министром культуры А.А. Авдеевым. За два

года выставка «Пакт Рериха: история и современность» с успехом прошла в штаб-квартире отделения ООН в Женеве, в странах Латинской Америки (Аргентине, Уругвае, Чили), в Берлине. В нынешнем году проект будет представлен в Азии, продолжится в Европе и России, в этом нам помогает целый ряд рериховских организаций.

20 ноября 2013 года ситуация резко переменялась.

Как сохранить Культуру и как способствовать ее развитию? Ведь Культура – это не только указы президента, приказы Министерства культуры, она не может быть создана указом. В середине 1980-х годов по инициативе Д.С. Лихачева был создан Советский фонд культуры. Несколько лет спустя по инициативе С.Н. Рериха был создан общественный Центр-Музей имени Н.К. Рериха как основное структурное подразделение Советского фонда Рерихов. В 1990 году Д.С. Лихачев опубликовал в газете «Известия» замечательную статью под названием «Как бы нам не стать “обкомом культуры”». Подводя итог деятельности Советского фонда культуры, Дмитрий Сергеевич сказал, что Культурой нужно заниматься профессионально, не по-чиновничьи. У него была прекрасная идея объединить общественность России, привлечь ее к делу сохранения и развития Культуры – через общественные организации, фонды, комитеты, разные кружки.

А во что вылилась эта идея? Советский фонд культуры создавался решением Политбюро ЦК и Советом Министров, только потом состоялось учредительное собрание. Чиновники захватили всю власть. Чтобы пробить какое-то начинание, нужно было преодолеть особое мнение чиновника. Через три года Д.С. Лихачев вышел из этого фонда.

Советский фонд Рерихов тоже создавался трудно, тяжело. М.С. Горбачев пообещал поддержку, но чиновники не хотели создания общественно-го музея, они приложили все силы и средства, чтобы перебороть волю Святослава Рериха и его доверенного лица Л.В. Шапошниковой и создать государственный музей. После публикации статьи С.Н. Рериха «Медлить нельзя!» в газете «Советская культура» в июле 1989 года, где было четко определено – Центр-Музей должен быть общественным, началась наша деятельность. Поскольку государство не оказало помощь, мы обратились к общественности. И вот тогда в 1993 году к Людмиле Васильевне подошел Борис Ильич Булочник и помог музею встать на ноги.

В России был проведен уникальный эксперимент, его поставила сама жизнь – двадцатилетний опыт сотрудничества общественной организации Культуры с одним из преуспевающих предпринимателей России. Конечно, общественность много помогла, но без мецената нам было бы не поднять всю эту махину под названием культурная организация.

Вот в этом заключается уникальность эксперимента. Во-первых, жизнь проверила дееспособность и жизнеспособность общественной организации: или чиновники решают, как ей действовать, или общественность сама, как сказал Д.С. Лихачев, занимается Культурой профессионально, а не по чиновничьи. И результаты налицо. Второй вывод: какие бы ни были профессионалы, но без денежных средств не поднять и не осилить ни один культурный проект. Хочу напомнить опыт меценатства в России. Всем известны знаменитые фамилии: Мамонтовы, Рябушинские, Третьяковы и др. Они создавали негосударственную форму Культуры. Основные театры, музеи мы получили из рук меценатов. Они были или подарены государству, или государством экспропрированы. И сейчас наша страна имеет в распоряжении то, что было создано тогда.

Последние дни прошедшего года были омрачены трагедией в Волгограде. К сожалению, человеческое сознание привыкает к беспределу, который творится не только у нас в стране, но и во всем мире: муж убивает жену и детей, сослуживец стреляет в своих коллег, в магазине вдруг выходит человек и начинает стрельбу. Самоубийства, в том числе детские, коррупция – можно много приводить подобных примеров. А проблема в том, как говорил Дмитрий Сергеевич, что нравственность и Культура взаимосвязаны. Чтобы у государства была здоровая экономика, политика, спокойствие в обществе, нужно подымать самым широким фронтом общественную инициативу, подымать Культуру. Ведь только в Культуре – этом энергетическом пространстве – человек получает высокое образование, вос-

питывается на прекрасных образцах, получает энергетику Красоты. Там, где энергетика Красоты, там нет места безобразию. А пустоты не бывает в пространстве. Если нет Культуры – место заполняет псевдокультура, она чрезвычайно агрессивна, вульгарна. На протяжении двадцати с лишним лет Россия, встряхнувшись от тоталитарного прошлого, пытается найти свой путь. Где он? Где национальная идея? Она в Культуре. Только Культура дает энергетический потенциал воспитания и образования человека. Только в пространстве Культуры можно решить вопросы и уйти от всех «болотных площадей» и т.д. Ведь политикой замордовали нас! Возьмите любую партию – во всех программах тезисы о Культуре, а где она?

Подводя итог, хочу поставить вопрос: нужен ли России Музей Николая Рериха? Я считаю, что нужен. И не только нужен – необходим. Музей имеет замечательный опыт сотрудничества с бизнесом, его необходимо развивать, внедрять в нашей стране. Только так мы можем сохранить Культуру. Спасибо.

Елена Ивановна Калмыкова:

– Признаюсь, что до вчерашнего дня я в Музее Рериха ни разу не была. Поначалу меня удивило приглашение поучаствовать в такой пресс-конференции. Но руководство музея поступило мудро: музей нашел в себе силы сделать так, чтобы сегодняшний разговор шел не только о проблемах самого Музея Рериха, но гораздо шире – о проблемах всех общественных музеев, которых, хотим мы этого или нет, на территории России достаточно много. Они очень разные.

Наш Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей – единственный в России, который собирает тематическую коллекцию по истории предпринимательства, традиций благотворительности и меценатства. Сегодня жизнь общественных музеев проходит в условиях, приближенных к боевым. Постараюсь обозначить ряд самых животрепещущих, жизненно важных проблем, которые стоят перед общественными музеями. Проблема первая – помещение. Для музея переезд из одного помещения в другое – это не вопрос смены адреса, а вопрос жизни и смерти. Уникальные коллекции, как правило, комплектуются в определенной среде – будь то мемориальная квартира или, как в нашем случае, дом, который принадлежал купцу Ивану Григорьевичу Простякову – он был кавалером пяти наград за благотворительную деятельность, отдал здание под школу, которую содержал, платил зарплаты учителям, покупал продукты на завтраки.

Экспонат срастается с музеем, и перевести музей в какое-либо другое помещение бывает сложно технически (нужны высокие потолки, определен-

ная кубатура), немаловажно и то, что сами здания часто являются экспонатами музея. Вторая проблема, напрямую связанная с первой, – это платежи. За 21 год наш музей тоже не получил от государства ни копейки, несмотря на то что мы ведем достаточно широкую просветительскую работу среди самых разных слоев населения и в Москве, и в других регионах. Но так получается, что мы сохраняем уникальное культурное наследие и ведем серьезную работу, а нам за это выставляют счет. За два последних года платежи были подняты в четыре раза. Как с этим справиться и какой логикой можно объяснить такой подход к общественному музею, мне сказать трудно. И третий очень важный вопрос. Любой общественный музей – это не только музейные работники, которые с великой любовью воссоздают и развивают свою коллекцию, но это еще и широкий круг друзей музея, общественность. Музейные специалисты давно уже определили, что деятельность музея можно считать эффективной, если он двадцать процентов средств, которые необходимы для его существования, зарабатывает сам, остальное – дотации. В общественных музеях это помощь благотворителей и меценатов.

Благотворительность и меценатство – это корона любой деятельности человека. Если человек сознательно вкладывает деньги в Культуру, он должен быть поддержан государством. Мне часто задают вопрос: что нужно сделать для того, чтобы сегодня мы повторили тот золотой век предпринимательства и финансовой благотворительности, который случился у нас в конце XIX – начале XX века? Очень хорошо на этот вопрос ответил один из предпринимателей, он сказал: «Хорошее настроение». Хорошее настроение может быть только тогда, когда музей понимает, что у него есть завтрашний день, что уникальная коллекция, созданная десятилетиями, находится в неприкосновенности и что есть люди, которые тебе помогут. Тема музеев сегодня не является такой привлекательной, как криминальные разборки и однополые браки. Но дерево без корней – это дрова. Если сегодня мы не уберем уникальное наследие Музея Рериха и других общественных музеев, то завтра мы останемся без Культуры.

Татьяна Савельевна Макеева:

– Дом-музей Матвея Муравьева-Апостола – это маленький частный музей. Я прохожу через все то, через что прошел Музей имени Н.К. Рериха. Хочу выразить восхищение теми людьми, которые сумели из развалин восстановить прекрасное здание XVII века, собрали изумительную коллекцию и большой коллектив.

Наш коллектив – всего четыре человека. Мы только начали создавать фонды, но мы тоже пытаемся вести научно-просветительскую деятель-

ность. В последние годы и в прессе, и из уст наших чиновников мы много слышим об идее гражданского общества. Но какое же это гражданское общество, если один из самых крупных общественных музеев пытаются закрыть и национализировать? Не настало ли время чиновникам поддержать гражданские инициативы?

Очень печально, что Год Культуры мы открываем этим событием – критическим положением великолепного, громадного, богатого общественного музея. Так не должно быть. Если мы создаем действительно гражданское общество, мы должны поднять голос в защиту этого музея.

Реставрация памятника культуры, который они подняли из руин, заслуживает поощрения. Нам повезло – мы были первыми, кому Московское правительство предоставило льготное право аренды – один рубль за один квадратный метр. Мы долго и правильно реставрировали, у нас научная реставрация. Музей Муравьева-Апостола добивался этой льготы – и наконец нашлись люди, которые решили, что это справедливо. Я думаю, что Музей Рериха заслужил такое же право. Это будет достойной наградой за работу, которую он ведет.

Александр Прохорович Лосюков:

– Деятельность Музея Рериха вышла за пределы нашей Родины, и он много делает для популяризации российской культуры и российской истории за границей. Поэтому год назад был создан Международный комитет по сохранению наследия Рерихов, мне предложили в нем поработать, и я с удовольствием согласился. Очень сознательно пошел на эту работу, потому что считаю ее исключительно важной. Я сам провел в чиновничьих рядах 45 лет, все, что мог, я там сделал – но с Культурой не боролся. Я далек от того, чтобы демонизировать чиновников – конечно, среди них есть умные, интеллигентные люди, понимающие, что такое Культура. Но есть, к сожалению, и другие чиновники – мы живем в таком обществе. У нас много проблем, и я убежден, что они существуют потому, что мы недооцениваем само понятие Культуры. Когда я пришел сюда, я увидел других людей – людей, у которых горят глаза, которые ведут себя по отношению друг к другу не так, как это делается в предпринимательской и чиновничьей среде, людей более одухотворенных. И мне эта среда очень нравится, я с удовольствием работаю здесь и с тяжелым сердцем слежу за тем, что сейчас происходит. За последние десятилетия уровень нашей культуры не возрос, упал. Это ощущается и в русском языке, который у нас безобразный, и во взаимоотношениях между людьми. К примеру, наши бесконечные политические теледискуссии, которые абсолютно бесплодны и ничего не дают, кроме негативной энергетики.

Надо всеми возможными путями поднимать наш культурный уровень. Потому что Культура – это не только Большой театр, кинематограф, литература, танцы и песни. Культура – это широчайшее понятие, которое позволяет совершенно по-другому построить нашу жизнь. Если бы уровень Культуры поднимали, страна жила бы совсем по-другому. Другими были бы отношения между людьми. Культура – это понятие, пересекающее этнические, конфессиональные и прочие границы. Культура должна быть нашей национальной идеей. У нас есть прекрасное прошлое, на котором мы можем эту работу базировать. И есть настоящее: вот здесь, в этом мире, люди не сидят в чиновничьих креслах, а тихо делают свою культурную работу, которая, может, обществу не очень заметна...

Двадцать лет назад тут были развалины... За двадцать лет создали музей. Конечно, это не Музей Пушкина, не Эрмитаж, это музей маленький. Мы любим все гигантское, но этот музей был создан абсолютно без участия государства. Государство одобрило эту идею, выделило что-то – и всё, забыло об этом. Не знаю, кто виноват – наши чиновники, общество... Сейчас речь идет о том, будет ли этот музей дальше существовать. Давайте снимем все картины со стен, куда-нибудь их вывезем, поместим в какой-нибудь сырой подвал, выселим отсюда исследовательский коллектив, архивистов, которые занимаются наследием Рериха. Ведь Рерих был не только художник, но и философ. Не все знакомы с его философским наследием и принимают его. В России было много разных философов, не все были воцерковленными... Все имеют право на существование. Это инакомыслие, которое никому не мешает и ничего не портит. Вот это надо поддерживать.

Если мы в настоящем не будем заботиться о нашем прошлом, о котором рассказывают наши музеи (не только частные и общественные, но и государственные, конечно), мы не будем иметь будущего. Да, Культура у нас стоит на втором месте – надо заниматься экономикой, политикой. Но если бы мы в первую очередь думали о Культуре, у нас во всех других областях дела бы шли гораздо лучше.

Очень сожалею, что сегодня здесь не присутствует Л.В. Шапошникова. Она – самый харизматичный и убедительный защитник музея и рериховских идей... Она живет этим музеем, написала много умных, хороших книг, очень много сделала для того, чтобы этот музей существовал, и Борис Булочник

всегда ей в этом помогал. Я не знаю, как работал его банк, правильно он что-то сделал или неправильно, – но за то, что он двадцать лет поддерживал этот музей (и не только этот), ему надо дать медаль.

Год Культуры – это замечательная инициатива, спасибо президенту. Но декларировать мало. Давайте сделаем так, чтобы этот год стал действительно Годом Культуры, – не годом закрытия музеев, а годом их поддержки.

Участники пресс-конференции ответили на вопросы журналистов.

– *Хочу уточнить, идет ли речь о национализации и полной передаче здания, полотен и скульптур? Или о том, что куда-то вывезут все произведения искусства, а здание передадут в качестве филиала другому музею?*

Стеценко: Нет, так вопрос не стоит. Но даже если бы так стоял, мы никогда бы этого не допустили – общественность, которая участвовала в создании этого музея. Когда музей потерял финансирование, мы встали перед большой проблемой, не могли выдать людям зарплату. Я очень благодарен всем физическим и юридическим лицам, рериховским организациям, которые поддержали нас в это трудное время.

Мы обратились к руководству страны и к Правительству Москвы с просьбой оказать помощь музею, решить вопросы льготной аренды, поскольку музей этого заслуживает, и это обещало нам еще правительство Лужкова в 2006 году. Я помню, что по указанию Лужкова его заместитель Л.И. Швецова встретила с Ю.М. Воронцовым, выдающимся дипломатом, который больше десяти лет был президентом МЦР, и разобралась во всей этой ситуации. Она сказала, что Международный Центр Рерихов, Музей Рериха является одним из самых добросовестных пользователей Москвы по содержанию и сохранению памятника и заслуживает безвозмездной передачи усадьбы в пользование. Сегодня 2014 год... Новый мэр С.С. Собянин выпустил постановление, которого мы так ждали. Но Департамент имущества Москвы отказал нам в льготе. Учитывая все, я не исключаю, что мы могли бы получить искомое заявление о выселении от Правительства Москвы. Мы обратились в Департамент культуры Москвы. Руководитель департамента господин Капков заявил в своем интервью о том, что после Нового года они будут решать, как помочь нашему музею. Я надеюсь, что это решение всех нас устроит¹.

Думаю, что Москва заинтересована сохранить наш музей. Этот музей является уникальным не только в России, но и в мире.

Когда корреспондент «Московского комсомольца» спросил Людмилу Васильевну о той ситуации, которая произошла с Мастер-Банком, и прибавил: ну, у вас такая большая коллекция, вы продадите пару картин – и деньги получите, или у вас придется забрать коллекцию, – Людмила Васильевна сказала: заберут, когда всех нас здесь расстреляют. Это не шутка, мы в очень серьезное время живем. Цены на картины огромные...

– *Если государство делает вид, что не слышит и не отвечает, то откуда появился термин «национализация»? Кто-то из чиновников уже сделал заявление по этому поводу?*

Макеева: Это я слегка преувеличила, политизировала немного этот термин.

После посещения музея я говорила с одной крупной чиновницей, пришла к ней вся на эмоциях и рассказываю о том, что из такого прекрасного музея хотят сделать государственный. Она говорит: ну конечно, если это богатый музей, он должен принадлежать государству! Такое советское сознание продолжает существовать.

Тут рядом в переулке Институт философии Академии наук, который принадлежит государству, и здание охраняется государством. Он скоро развалится. Подходим к Центру Рерихов – здесь все восстановлено, это грамотная, бережная реставрация. Если государство отберет усадьбу, не превратится ли она в очередной «институт философии»?

– *А чиновники вообще не отвечают?*

Стеценко: Я думаю, ответы будут совсем другими, и не удивлюсь, если Министерство культуры будет стремиться отменить завещание С.Н. Рериха.

Мы хотим работать и трудиться на ниве Культуры. Мы хотим сохранить наследие Рерихов для будущих поколений. Мы хотим донести самые сокровенные мысли этого уникального наследия, так необходимого России. Ведь главная идея Николая Рериха – Мир через Культуру. Разве вы найдете в мире лучшую идею? Культура и Мир – синонимы. Наша задача – трудиться на благо России.

– *Хотела уточнить форму собственности: правильно ли я понимаю, что это частный музей?*

Стеценко: Частный музей – это когда его организует один владелец. А владелец собственности С.Н. Рерих организовал музей и передал его на основании завещания юридическому лицу – Международному Центру Рерихов. Некоторые недоумевают: Международный Центр Рерихов – и общественный музей? Да, все, что здесь находится, – это общественный музей. А МЦР – это форма юридического лица. Есть Правление и шесть отделений МЦР: в Санкт-Петербурге, Минске, Кие-

Т.С. Макеева

ве, Риге, Симферополе, Софии. Это самостоятельные юридические лица, заключившие соглашение с МЦР. Это очень интересная форма, и она себя оправдала. Если бы музей работал в одиночку, его бы уже давно не существовало.

– *Насколько нам известно, новый закон об аренде касается только новых историй реставрации, его ни разу не применили к тому, что было отреставрировано раньше...*

– Применили. Дело в том, что по нашей инициативе Департамент культурного наследия Москвы, после того как издали этот закон, представил мэру список организаций, которые уже отреставрировали памятник культуры, и мы были, по словам одного из чиновников, «в первой строчке этого списка». Минувло уже полтора года, как вышло дополнение, но нам отказали.

– *Вы уже имеете печальный опыт общения с государством, которое никак вам не помогло, печальный результат с вашим основным меценатом. Может быть, использовать рычаг, который есть у вашего музея, – обратиться к общественности? Что называется, пойти в народ? Есть ли у вас такие идеи и насколько они выполнимы?*

Стеценко: Представьте весь обширный размах общественной и культурной работы нашего музея. В России и за рубежом существует много общественных рериховских организаций – спасибо им за помощь. Когда они узнали о нашем бедственном положении, за два месяца мы получили от них более 22 миллионов рублей. Потребности музея в среднем – заработная плата сотрудникам, содержание усадьбы, свет, коммунальные платежи – в пределах 13 миллионов ежемесячно. Это

¹ 27 января 2014 года мы получили письмо С.А. Капкова, в котором, в частности, говорится: «Принимая во внимание безусловную культурную и общественную значимость деятельности Центра-Музея, Департамент культуры города Москвы обратился к заместителю мэра Москвы в Правительстве Москвы Н.А. Сергуниной с просьбой рассмотреть возможность передачи в безвозмездное пользование Международного Центра Рерихов объекта культурного наследия «Усадьба Лопухиных» или установления льготной ставки арендной платы в размере 1 рубль за квадратный метр площади объекта в год».

Рабочий момент пресс-конференции

без учета культурной деятельности и проектов. В пределах 150 миллионов в год – это только на то, чтобы музей работал. С.Н. Рерих в своей концепции деятельности музея четко поставил задачу: музей – это живой организм, который должен вести масштабную культурную работу. Беда будет, если нам придется закрыть многие культурные проекты. Они действуют не только в России, но и за рубежом. Мы представляем престижные международные организации: «Голубой щит», Красный Крест, ИКОМ, Всеевропейскую федерацию по культурному наследию «Европа Ностра», являемся активным членом Департамента общественной информации ООН и т. д. Для поддержания этих связей требуются средства, все это делал наш меценат. Опыт, повторяю, показывает, что Культуру, в частности такой музей, как наш, нельзя сохранить на общественные средства. Тут и нужны меценаты, люди бизнеса. Экономика не только для производства, она поддерживает Культуру, которая питает экономику, – это процесс взаимосвязанный. Если этого не будет, Культура не сможет развиваться.

Лосюков: Вы спрашивали, не надо ли обратиться к общественности. Мы, конечно, обращаемся. В частности, эта наша встреча – тоже способ обратиться к общественности. Мы в нашей стране много шумим, у нас много мероприятий по общественной линии, но найти партнеров для реального дела, такого, как поддержка Культуры, бывает довольно сложно. Между тем у Музея Рериха много единомышленников и сотрудников – в 50–60 городах России есть рериховские общества. За границей, если обратишься к общественным организациям, сразу находишь большой отклик. Там легче найти понимание и поддержку, возникает естественный диалог. Я думаю, это потому, что за рубежом – в странах Европы,

в США – гражданское общество развито гораздо сильнее, чем у нас. Мы только хотим этого добиться, а там это уже действует. Но нам надо жить и работать в России...

Макеева: Критический случай в этом музее еще раз показал, что необходим закон о меценатстве, чтобы люди, которые вкладываются в Культуру, получали определенные выгоды. Благотворительные взносы уже не облажаются НДС – это первый шаг, но должен быть закон о меценатах. И тогда общественным и частным музеям будет работать значительно легче.

– *Пытались ли вы обратиться к промышленникам, бизнесменам, предпринимателям с призывом о помощи?*

Стеценко: Да, мы пытались. Писали письма еще перед Новым годом – были некоторые ответы, интересовались. Но пока безрезультатно.

– *Сколько единиц хранения насчитывает ваша коллекция, каков ее состав: относится ли она полностью к вашему музею или принадлежит Государственному фонду хранения? Сколько выставок музей ежегодно проводит за рубежом и каково количество посетителей за год?*

Стеценко: У нас более четырех тысяч экспонатов. Из них картин и рисунков Рерихов – свыше 900. Это самая большая коллекция картин Рерихов в мире. Кроме наследия, представленного в нашем музее, а это и живопись, и предметно-вещевой фонд, мы получили от Святослава Николаевича уникальный и полный архив семьи Рерихов. Не менее девяти тысяч единиц хранения в наследии Рерихов – это фамильный рукописный архивный фонд. Много лет мы издаем этот уникальный архив – и долго не будет конца. Кроме того, мы получили мемориальную библиотеку Рерихов, на ее основе создана научная библиотека МЦР. Приказом Мини-

стерства культуры 2006 года картины Рерихов, хранящиеся в музее, включены в негосударственную часть Музейного фонда РФ. Следовательно, государство признало: все, что находится в музее, – это негосударственная часть фонда. Людмила Васильевна привезла наследие из Индии в 1990 году, потребовалось два года, чтобы музей встал на ноги, и с 1992 года мы начали проводить передвижные выставки по России. Они побывали более чем в 500 городах нашей страны и зарубежья. Вначале была очень большая интенсивность, сейчас немного спала. Пять передвижных выставок одновременно, по 40–60 картин в каждой. Почему спала интенсивность? Потому что в российских музеях не хватает оборудования. Желающих много, но не все могут предоставить соответствующие условия.

Посещение в среднем – две тысячи в месяц. Но бывают такие дни, когда приходит до тысячи. В минувшие новогодние праздники в день прошло 500–600 человек. Для такого музея это много. В такие дни, как «Ночь в музее» – акция, которую проводит Правительство Москвы, – до двух тысяч в день.

Лосюков: Я хочу, пользуясь случаем, от имени руководства выразить благодарность бывшему министру культуры А.А. Авдееву и всему составу Министерства культуры, которое помогло Музею, разобравшись во всех наших проблемах, у нас начался очень хороший, конструктивный диалог. С новым руководством в настоящее время пока контактов никаких.

После завершения пресс-конференции А.В. Стеценко продолжил отвечать на вопросы журналистов.

– *Как вы сейчас собираетесь финансировать музей?*

– Давайте встретимся через два-три месяца – тогда поговорим.

– *А если положительных изменений не будет?*

– К сожалению, мы будем вынуждены свернуть многие наши культурные проекты, придется сокращать сотрудников...

– *Вы говорили, что общественные организации прислали вам 22 миллиона...*

– Действительно, нас поддержали российские и зарубежные организации, с которыми мы сотрудничаем. Мы не сомневаемся, что они всегда помогут нашему музею, потому что им, так же как и нам, дорого наследие Рерихов. Но мы не можем жить на иждивении общественных организаций! Мы знаем, как им достаются деньги.

– *Вас 20 лет финансировал Булочник. Вы не сомневаетесь в его порядочности? У вас никогда не закрадывалась мысль о том, что это не совсем чистые деньги?*

– В порядочности Бориса Ильича я ни капли не сомневаюсь! Я не специалист банковского дела – это, конечно, дело специалистов.

– *Почему вы так категорически против государственного финансирования? Или вы хотите оставаться общественным музеем и при этом получать помощь от государства?*

– Мы не против государственного финансирования. Но у нас в стране предвзятое отношение к общественности. Завещание – это самое древнее право в мире. Даже враги, уничтожая своих врагов, всегда выполняли их последнюю волю. У меня встречный вопрос к вам: почему в России Министерство культуры на протяжении 20 лет после ухода С.Н. Рериха не выполняет его завещание?

– *Каким образом оно не выполняет?*

– Во-первых, Музею Рериха не возвращены 288 полотен, которые...

– *Сейчас речь идет о финансировании. Почему вы так боитесь быть государственным музеем?*

– Повторяю, это воля самого С.Н. Рериха: в его концепции четко написано – «Общественный музей». На основании этого был выпущен ряд постановлений... Мы не будем возражать, если государство захочет помогать нам в финансировании.

– *Это не нарушает концепцию Рериха?*

– Нет. А для кого мы работаем – разве не для России? А что, разве государственный аппарат не народом выбран? Государственный аппарат должен работать на общество. Поэтому я не вижу здесь противоречий.

– *МЦР вообще зарабатывает в принципе? Издательская деятельность приносит доход? Или конференции?*

– Что можно заработать на выставках? Спросите любого директора музея. Конечно, этих средств не хватает. Почти все наши проекты бл а г о т в о р и т е л ь н ы е. Мы платим докладчикам за приезд к нам и за выступления. Где вы найдете такую научную организацию, которая платила бы докладчикам и размещала их? Но сейчас, наверное, будем переходить на некоторые коммерческие проекты.

– *Писали, что когда вы закончили реставрацию усадьбы, то не были собраны все документы в Правительство Москвы о том, чтобы они, учитывая проведенную реставрацию, предоставили льготы. Поэтому они не предоставили. Насколько это достоверно?*

– Основной отказ из-за того, что у нас больше 25 миллионов рублей задолженности... А мы обратились с просьбой, чтобы учли наши затраты в качестве погашения этой задолженности. Лужков обещал это еще в 2006 году.

Обзор подготовила Т.И. Чечина